

Библиотека Всемирной Литературы

Николай Рубцов

Стихотворения

Николай Михайлович Рубцов

Стихотворения

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4519492
Рубцов Н. М. Стихотворения: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59226-5

Аннотация

Николай Рубцов (1936–1971) – выдающийся русский поэт, слышавший в глубинах сознания звучание, полное смысла: он понимал пение незримых певчих, звон листвы и стон ветра, смысл журавлиного рыдания. Обладавал уникальным даром слышать стихию народа, природы, Вселенной. Совершенная и простая форма стихотворений поэта созвучна русской душе, они изначально чисты и животворны. Именно эти качества и определили невероятную популярность поэзии Н. Рубцова.

Содержание

Вадим Кожин	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николай Рубцов Стихотворения

Вадим Кожин Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта¹

Самый, пожалуй, неоспоримый признак истинной поэзии – ее способность вызывать ощущение самородности, нерукотворности, безначальности стиха; мнится, что стихи эти никто не создавал, что поэт только извлек их из вечной жизни родного слова, где они всегда – хотя и скрыто, тайно – пребывали. Толстой сказал об одной пушкинской рифме – то есть о наиболее «искусственном» элементе поэзии: «Кажется, эта рифма так и существовала от века». И это, конечно, свойство, характерное не только для пушкинской, но и для подлинной поэзии вообще. Лучшие стихи Николая Рубцова обладают этим редким свойством. Когда читаешь его стихи о журавлях:

...Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли – и вновь сиротеют душа и природа
Оттого, что – молчи! – так никто уж не выразит их... —

как-то трудно представить себе, что еще лет десять назад эти строки не существовали, что на их месте в русской поэзии была пустота.

Все, кто слышал стихотворения Николая Рубцова в его собственном исполнении, вероятно, помнят, как, увлекаясь чтением, поэт сопровождал его характерными движениями рук, похожими на жесты дирижера или руководителя хора. Он словно управлял слышимой только ему звучащей стихией, которая жила где-то вне его, – то ли в недрах родной речи, то ли в завываниях ветра и лесном шуме Вологодчины, то ли в создаваемой веками музыке народной души, музыке, которая существует и тогда, когда никто не поет.

Замечательно, что Николай Рубцов не раз открыто сказал об этой своей способности, своем призвании слышать живущее в глубинах бытия, полное смысла звучание:

...И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

...Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой...

...Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто...

...Я брожу... Я слышу пенье...

...О ветер, ветер! Как стонет в уши!

---

¹ Печатается по изд.: Кожин В. Николай Рубцов: Заметки о жизни и творчестве поэта. М.: Сов. Россия, 1976.

Как выражает живую душу!
Что сам не можешь, то может ветер
Сказать о жизни на целом свете...
...Спасибо, ветер! Я слышу, слышу!..

...Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы...

И, наконец, как своего рода обобщение, – строки о Поэзии:

...Звенит – ее не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.
Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее...

Только на этих путях рождается подлинная поэзия, – о чем сказал Александр Блок в своем творческом завещании, речи «О назначении поэта». «На бездонных глубинах... – говорил Блок, – недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией, – катятся звуковые волны... Первое дело, которое требует от поэта его служение, – ...поднять внешние покровы... приобщиться... к безначальной стихии, катящей звуковые волны.

Таинственное дело совершилось: покров снят, глубина открыта, звук принят в душу. Второе требование Аполлона заключается в том, чтобы поднятый из глубины... звук был заключен в прочную и осязательную форму слова; звуки и слова должны образовать единую гармонию»².

Предельно кратко, но точно сказал, в сущности, о том же самом Есенин, заметив, что он не «поэт для чего-то», а «поэт от чего-то»³. Только «зависимость» от «безначальной стихии», звук которой поэт принимает в душу, способна породить истинную поэзию. («О чем писать? На то не наша воля!» – так начал одно из стихотворений Николай Рубцов.)

Конечно, необходимо еще заключить звук «в прочную и осязательную форму слова» – это далеко не всегда удается. Но даже самая безусловная власть над словом не создаст ничего действительно ценного, если поэт не слышит и не понимает пенье незримых певчих, звон листы, стон ветра, если он не способен принять в свою душу звук и смысл журавлиного рыданья, о котором Николай Рубцов сказал в уже упоминавшемся стихотворении:

...Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...

---

² Блок Александр. Собр. соч.: В 8 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 6. С. 163.

³ См.: Новый мир. 1961. № 2. С. 101.

Подавляющее большинство пишущих стихи делает это «для чего-то», формируя из своих – неизбежно *ограниченных* – впечатлений, мыслей и чувств соответствующую зада-нию стихотворную реальность.

Между тем в поэзии Николая Рубцова есть отблеск *безграничности*, ибо у него был дар всем существом слышать ту звучащую стихию, которая несоизмеримо больше и его, и любого из нас, – стихию народа, природы, Вселенной.

Обо всем этом по-своему сказал Михаил Лобанов в очень короткой, но глубокой статье о Рубцове «Стихия ветра»: «Свое отношение к поэзии Николай Рубцов выразил словами: «И не она от нас зависит, а мы зависим от нее». Он задает вопрос простой и значительный:

Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить быть?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?

От того, как ответить на этот немудреный вопрос... зависит, собственно, судьба поэзии... Можно добиться того, чтобы отключать или включать вьюгу – для большего комфорта. И не чувствуем ли мы тотчас же, как сами отключились от чего-то необъятного, свободного, заполняющего нас и выводящего в стихию?.. Порвалась связь с самим представлением о бесконечном, без чего не может быть и глубокого смысла конечного... Что-то «жгучее, смертное» есть и в связи поэта с самой природой, ветром, вьюгой, вызывающими в его душе отклик чувств – мирных, тревожных, вплоть до трагических предчувствий...

Для Николая Рубцова было характерно такое самоуглубление, так же как от «звезды полей», от красоты родной земли он шел к Вифлеемской звезде, к нравственным ценностям... Объемность образа и поэтической мысли невозможна при сугубо эмпирическом мирозерцании, она требует прорыва в глубины природы и духа⁴.

Высокие слова о поэзии Николая Рубцова отнюдь не означают, что в его стихах все вполне совершенно и прекрасно. У него не так уж мало совсем не удавшихся, не достигших, по слову Блока, гармонии звука и слова стихов, и даже во многих его лучших вещах есть неуверенные или просто неверные ноты (характерно, что и Михаил Лобанов в своей лаконичной статье счел необходимым упомянуть о недостаточной «грации» отдельных строф поэта). Вряд ли можно спорить с тем, что за свою короткую и очень трудную жизнь Николай Рубцов не смог обрести той творческой зрелости, которая была бы достойна его исключительно высокого дара.

Но все это отступает, все это забывается перед безусловной подлинностью его поэтического мироощущения, перед самородностью его слова и ритма:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...

---

⁴ День поэзии, 1972. М.: Советский писатель, 1973. С. 181 – 182.

* * *

Николай Михайлович Рубцов родился 3 января 1936 года в поселке Емецк на Северной Двине, в полуторасти километрах выше Архангельска⁵. О ранних его годах и об его семье известно крайне мало⁶. Сам поэт, заполняя в 1962 году анкету (при поступлении в Литературный институт), написал в графе «Сведения о родителях»: «Таких сведений почти не имею»⁷. Родители поэта были, очевидно, вологжане и жили в Тотемском районе, но незадолго до рождения Николая отца его, политработника, перевели по службе в соседнюю Архангельскую область. Накануне Великой Отечественной войны или же в самом ее начале семья Рубцовых возвратилась в родные места. О дальнейшем рассказано в стихотворении поэта «Детство»:

Мать умерла.
Отец ушел на фронт.
Соседка злая
Не дает проходу.
Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скучную природу.

Откуда только —
Как из-под земли! —
Взялись в жилье
И сумерки, и сырость...
Но вот однажды
Все переменялось:
За мной пришли,
Куда-то повезли.

Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск парома,
И крик: «Скорей!»
Потом раскаты грома
И дождь... Потом
Детдом на берегу.

Это было в 1942 году, когда будущему поэту исполнилось шесть лет. Вначале он воспитывался в Красковском детдоме, а с 1943 года — в Никольском детдоме Вологодской области.

Село Никольское (или, как позднее назвал его Николай Рубцов в стихах, «деревня Никола»), расположенное среди лесов и болот на правом притоке Сухоны, реке Толшме,

---

⁵ Биографические сведения о Н.М. Рубцове см. в статье В.А. Зайцева.

⁶ Создание полного и точного жизнеописания поэта потребует трудоемкой работы архивистов, биографов, мемуаристов; это дело будущего.

⁷ Архив Московского Литературного института им. А.М. Горького Союза писателей СССР, з/отд., 1004 ук. (в дальнейшем указывается в тексте: Архив ЛИ).

стало настоящей родиной поэта. Он жил здесь безвыездно с семи до четырнадцати с половиной лет, и природа и быт этого глухого уголка Северной Руси навсегда вошли в его душу как изначальная основа. Позднее, после своих многолетних скитаний по стране, Николай часто приезжал сюда и подолгу жил в Никольском; здесь он обрел семью (его дочь и сейчас живет в этом селе⁸). Десятки лучших стихотворений поэта неразрывно связаны с природой и людьми этой его «малой родины».

В 1950 году Николай Рубцов успешно окончил Никольскую семиклассную школу и был отправлен продолжать учебу в древний (основанный ранее Москвы) город Тотьму, где поступил в лесотехнический техникум. Но подростка уже звал ветер странствий. В шестнадцать лет, едва получив паспорт, он добрался до Архангельска и попытался стать моряком. Но он был очень мал и слаб, и его не пустили в море. Позднее Николай вспоминал об этом в безыскусственных юношеских стихах:

...Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно
И в моряцкой конторе
Все просился на судно,
Умолял, караулил,
Но нетрезвые, с кренцем,
Моряки хохотнули
И назвали младенцем...

Прежде чем пробиться в море, Николай какое-то время работал библиотекарем, или, точнее, «избачом», совмещая в одном лице работника культуры и истопника. В конце концов он устроился кочегаром на рыболовецкое судно.

Море (а Николай Рубцов впоследствии еще служил на Северном военно-морском флоте) стало темой многих стихов поэта. Но в подавляющем своем большинстве это стихи сугубо «ранние», в которых поэт еще по-настоящему не открыл свое, собственно «рубцовское» начало. Хотя в них есть привлекательная юношеская резкость и свобода, эти стихи, на мой взгляд, не должны, за редкими исключениями, входить в основной состав книг Николая Рубцова, в его «Избранное».

Поэт писал о своей юности (стихи эти, безусловно, относятся к «ранним»):

...Нахлобучив «мичманку» на брови,
Шел в театр, в контору, на причал.
Полный свежей юношеской крови,
Вновь, куда хотел, туда и мчал...

Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть, —
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась...

И только после окончательного «возвращения памяти» Николай Рубцов действительно стал поэтом.

Итак, море было освоено. Теперь юношу позвали к себе большие города, где он еще не бывал. В начале 1955 года, девятнадцати лет, Николай Рубцов приезжает в Ленинград

---

⁸ Сейчас Е.Н. Рубцова с мужем и детьми живет в Санкт-Петербурге.

и начинает новую жизнь простым рабочим. Но пробыл он здесь всего полгода: осенью его призвали в армию. Как человек, имеющий моряцкий опыт, он был отправлен на Северный флот. Четыре года прослужил Николай Рубцов на эскадренном миноносце. В ранних его стихах читаем:

Я тоже служил на флоте!
Я тоже памятью полн
О той бесподобной работе
На гребнях чудовищных волн.

Тобою – ах, море, море! —
Я взвинчен до самых жил...

В эти годы он, по-видимому, и начинает всерьез писать стихи. Известно, в частности, что он сочинил множество стихотворений в 1957 году в селе Приютино⁹, под Ленинградом, где жил во время отпуска. Здесь, между прочим, был написан первый вариант известного стихотворения «Березы» («Я люблю, когда шумят березы...»), в котором уже слышен «рубцовский» голос.

В том же году стихи Николая Рубцова появляются в печати: их публикуют газета «На страже Заполярья», журнал «Советский моряк», альманах «Полярное сияние»¹⁰. Так начался путь Николая Рубцова в литературу.

Поздней осенью 1959 года Николай Рубцов возвращается в Ленинград и приходит на знаменитый Кировский (б. Путиловский) завод. Сначала он работает в заводском жилищном отделе кочегаром, слесарем-водопроводчиком, слесарем-сантехником, а затем шлихтовщиком в копровом цехе завода.

Вскоре он поступает учиться в вечернюю школу рабочей молодежи и становится членом литературного объединения при заводской многотиражке «Кировец», где неоднократно публиковались его стихи. В 1961 году выходит сборник сочинений членов этого литературного объединения «Первая плавка», в котором были представлены пять стихотворений Николая Рубцова; печатается он и в газете «Вечерний Ленинград». 24 января 1962 года Рубцов выступает на вечере молодых поэтов в Ленинградском доме писателя. Это выступление было его первым большим успехом¹¹.

К этому времени Николай Рубцов был уже лично знаком со многими молодыми поэтами Ленинграда, в том числе и с наиболее талантливым из них – Глебом Горбовским; с ним, между прочим, связаны написанные в 1962 году яркие стихи Николая Рубцова «В гостях» («Трущобный двор. Фигура на углу. Мерещится, что это Достоевский...»). Общение с собратьями по делу помогло ему найти самого себя, поставить свой голос.

В мае 1962 года Николай Рубцов сдает экзамены на аттестат зрелости и посылает стихи на творческий конкурс в Московский Литературный институт. Среди них были уже такие собственно «рубцовские» стихи, как «Видения на холме» («Взбегу на холм и упаду в траву...»).

В заявлении, отправленном в Литературный институт, поэт писал: «Я посылаю на Ваш суд, на творческий конкурс, стихи очень разные: веселые и грустные, с непосредственным

---

⁹ Бывшее имение президента Академии художеств А.А. Оленина, в котором часто гостил Пушкин.

¹⁰ Этот альманах был создан при активно работавшем в те годы литературном объединении военных моряков Северного флота. Объединением руководил тогдашний редактор газеты «На страже Заполярья» Владимир Матвеев. В работе объединения участвовали будущие литераторы (в то время военные моряки): Юрий Кушак, Валентин Сафонов, Владимир Соломатин, Сергей Шмитко (впоследствии один из близких друзей Николая Рубцова) и другие.

¹¹ Сообщено Б.И. Тайгиным.

выражением и с формалистическим уклоном (последние считаю сам лишь учебными, экспериментальными, но не отказываюсь от них, ибо и они от души, от жизни). Буду рад, если Вы найдете в них поэзию и допустите меня к приемным экзаменам» (Архив ЛИ).

Стоит привести здесь отрывки из еще не публиковавшегося стихотворения «Утро перед экзаменом», написанного, очевидно, под впечатлением экзамена по геометрии на аттестат зрелости. Эти иронические и «экспериментальные» стихи показывают, как Николай Рубцов пробовал свои силы в разных манерах письма:

Тяжело молчал
Валун-догматик
В стороне от волн...
А между тем
Я смотрел на мир,
Как математик,
Доказав с десяток
Теорем.

Скалы встали
Перпендикулярно
К плоскости залива.
Круг луны,
Стороны зари
Равны попарно,
Волны меж собою
Не равны!

Вдоль залива,
Точно знак вопроса,
Дергаясь спиной
И головой,
Пьяное подобие
Матроса
Двигалось
По ломаной кривой.

Спотыкаясь
Даже на цветочках, —
Боже! Тоже пьяная
В дугу! —
Чья-то равнобедренная
Дочка
Двигалась,
Как радиус в кругу...

...И в пространстве,
Ветреном и смелом,
Облако —
Из дальней дали гость —
Белым,

Будто выведенным мелом,
Знаком бесконечности
Неслось!

В августе 1962 года Николай Рубцов был принят в Литературный институт и зачислен в творческий семинар Н.Н. Сидоренко.

Опытнейший педагог Николай Сидоренко едва ли не первым оценил всю значительность творческого дара Н. Рубцова. Он писал 5 июля 1963 года в характеристике своего ученика: «Стихи его наполнены жизнью, в них свет и тени, радость и горечь... Они человечны, правдивы, выразительны... Н. Рубцов – поэт по самой своей сути» (Архив ЛИ).

В характеристике за второй курс, написанной 14 мая 1964 года, Николай Сидоренко высказался еще более определенно: «Если вы спросите меня: на кого больше всего надежд, – я отвечу: на Рубцова. Он – художник по организации его натуры, поэт по призванию» (Архив ЛИ).

Большую роль в окончательном становлении творчества Николая Рубцова сыграла дружба с поэтами Анатолием Передреевым, который в то время был студентом Литературного института, Станиславом Куняевым, Владимиром Соколовым¹².

В 1964 году стихотворения поэта публикуются в журналах «Молодая гвардия», «Октябрь», «Юность», в еженедельнике «Литературная Россия»; в последующие годы его имя часто появляется в московских литературных изданиях. В 1965 году в Архангельске выходит его первая тоненькая книжка «Лирика». Наконец, в 1967 году «Советский писатель» издает весомую книгу стихотворений Николая Рубцова «Звезда полей», вызвавшую целый ряд самых лестных откликов в печати. Одними из первых высказались друзья поэта Анатолий Передреев («Мир, отраженный в душе», «Литературная газета» от 22 сентября 1967 года) и Станислав Куняев («Словами простыми и точными», «Литературная Россия» от 22 ноября 1967 года).

Высокое признание поэта наступило быстро. Уже в начале 1969 года появилась статья Анатолия Ланщикова, в которой было сказано, в частности, следующее:

«...Всегда поражаешься умению Николая Рубцова так «расставить» самые простые слова, вдохнуть в них такой запас свежей жизни, что невольно хочется говорить о преображающем чуде поэзии»¹³.

Казалось бы, судьба Николая Рубцова складывалась легко и счастливо. Но в действительности все было гораздо сложнее. Сиротское детство и отрочество, скитальческая, бесприютная (до самых последних лет жизни у Николая не было никакого постоянного пристанища) юность, заполненная непомерно тяжелой работой, суровая морская служба на Севере наложили неизгладимую печать на поведение и саму натуру поэта.

У Николая Рубцова был трудный, неуравновешенный, глубоко противоречивый характер. Он являлся то предельно кротким и застенчивым, то развязным и ослепленным чувством зла. Он мог быть стойким и мужественным, но мог и опустить руки из-за неудачи. Он часто мечтал о семейном уюте, о спокойной творческой работе и в то же время всегда оставался, как верно заметил в одной из своих характеристик Николай Сидоренко, «скитальцем» по самой своей природе. Рубцов говорил о своих скитаниях по русской земле:

---

¹² Владимиру Соколову поэт посвятил одно из первых своих зрелых созданий – стихи «Звезда полей» (незадолго до того Соколов написал стихотворение с тем же названием), давшие позднее название первой московской книге поэта. С этим посвящением стихи были напечатаны в августовском номере журнала «Октябрь» за 1964 год (Дмитрий Стариков, который работал тогда заместителем главного редактора журнала, щедро публиковал в нем лучшие вещи Николая Рубцова). Затем между поэтами произошла размолвка, и, публикуя эти стихи в книге, которой они дали название, Николай Рубцов беспощадно снял посвящение (о трудном характере поэта еще пойдет речь). Позднее поэты помирились, но стихотворение «Звезда полей» при жизни Рубцова больше не публиковалось.

¹³ Вопросы литературы. 1969. № 1. С. 150.

...Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле – по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться...

Конечно, были и чисто внешние препятствия и затруднения. Далеко не все и тем более не сразу понимали, каким редкостным поэтическим даром наделен этот небогато и небрежно одетый щуплый человек, с рано облысевшим лбом и, скажем прямо, не блещущим красотой лицом, – что многим мешало увидеть глубокое горячее свечение небольших глаз и выражающую духовную сосредоточенность складку широких губ.

Николай Рубцов испытал на своем веку немало тягот, обид, оскорблений. Но вот в чем чудо: в стихах это почти не ощущается. Не могу не привести в этой связи замечательных по своей проникновенности суждений Михаила Пришвина, который в 1937 году писал одной из своих знакомых:

«Ваша основная ошибка в том, что источником поэзии считаете доброе сердце... Запомните это навсегда, что из доброго сердца выходят добрые дела, но поэзия рождается в иных областях нашей души. Она рождается в простой, безобидной и неоскорбляемой части нашей души, о существовании которой множество людей даже и не подозревает.

Настоящая поэзия потому так редка и так, в конце концов, высоко ценится, что очень мало людей, которые решаются и умеют считать реальностью эту сторону души. Огромное большинство людей в жизни своей исходит от обиды, оскорбления или греха...

Источником моих слов... является совершенно простая, безобидная, неоскорбляемая часть души, которой обладает множество людей, но никто почти не хочет себе открыть ее, смириться до нее и отбросить все претензии и счеты... В охране этого родника не участвуют ни добро, ни зло: эта радость жизни находится по ту сторону добра и зла»¹⁴.

Это размышление, как мне представляется, бросает яркий свет на тайну *поэтической* судьбы Николая Рубцова. Добро и зло беспрепятственно боролись между собой на его житейском пути, который привел его к гибели. Но поэзия его вырастала из той «безобидной» и «неоскорбляемой» части души, над которой не были властны внешние воздействия.

Я клянусь:
Душа моя чиста, —

с полным правом писал Николай Рубцов. И чистота его поэзии, очевидно, только возрастала от сопротивления...

Но в жизни все было запутаннее и мрачнее. Уместно рассказать здесь об одном случае. Все, кто знал поэта, помнят, что Рубцов подбирал ко многим своим стихотворениям безыскусные, но выразительные мелодии и часто пел или, точнее, исполнял их – нередко в сопровождении старенькой гармошки либо гитары. Это было проникновенное исполнение, которое никого не оставляло равнодушным. И вот однажды Николай пел свои любимые вещи в кругу друзей и знакомых. Среди них был и один из лучших современных писателей-прозаиков, который, замечу, очень высоко ценил поэзию Рубцова, хотя в своем собственном творчестве был далек от нее. Пение захватило его. В конце концов на его глазах выступили слезы, и он, кажется, был готов разрыдаться.

---

¹⁴ Контекст. 1974. М.: Наука, 1975. С. 301.

Что же Николай? Он прервал пение и набросился на писателя с жестокими обвинениями. Он утверждал, что исполняемые вещи не могут ему нравиться, что его слезы притворны и лицемерны. Дело чуть не кончилось рукопашной схваткой...

Эта история в высшей степени характерна для Николая Рубцова, хотя в иных случаях он мог проявить почти детскую доверчивость к людям. Кстати сказать, поэт сам хорошо сознавал мучительную противоречивость своей натуры. Он писал Станиславу Куняеву (18 ноября 1964 года), что испытывает «такое ощущение, будто мне все время кто-то мешает и я кому-то мешаю, будто я перед кем-то виноват и передо мною – тоже. Все это я легко мог бы объяснить с психологической стороны не хуже Толстого. (А что!.. И мелкие речки имеют глубокие места...) Мог бы и объяснил бы, если б я не знал, кому пишу это письмо. Зачем делать это, если ты понимаешь все без второстепенных слов, тем более – без лишних». И далее в том же письме: «...Страшно неудобно мне перед некоторыми хорошими людьми за мои прежние скандальные истории. Да и самому мне это все надоело до крайней степени...» (Архив С.Ю. Куняева).

Все это, конечно же, как-то отразилось в поэзии Николая Рубцова. Однако именно в поэзии, в творчестве он чаще всего преодолевал то, что мучило его в жизни.

Но о поэзии мы еще будем говорить подробно. Вернемся к жизни поэта. Более или менее успешный путь в литературу не очень уж облегчил личную судьбу поэта. Еще летом 1964 года, после ряда взысканий, он был исключен – с формальной точки зрения справедливо – из Литературного института. Правда, через полгода его восстановили, но лишь в качестве заочника, что, по сути дела, нисколько не спасало положения, так как Рубцов не имел ни постоянного заработка¹⁵ (на гонорары от публикуемых время от времени стихотворений прожить крайне трудно), ни жилища. Несмотря на неоднократные просьбы и ходатайства, Рубцов так и не был возвращен в ряды студентов Литературного института. Лишь в мае 1969 года он смог окончить его заочное отделение.

В 1969 году вышла еще одна его книга – «Душа хранит» – в Северо-Западном издательстве (Архангельск), а весной следующего года издается новый сборник «Сосен шум» в «Советском писателе». Эта – четвертая по счету – книга оказалась последним прижизненным изданием поэта...¹⁶

К концу 60-х годов жизнь поэта с внешней точки зрения более или менее наладилась. Он обрел относительно широкую известность и прочное признание. Многие московские поэты и критики писали и говорили о высоте и истинной народности его творческого дара.

Не менее важную роль сыграли в судьбе Николая Рубцова его вологодские собраты по литературе. В этом выразился извечный пафос *землячества*, столь естественный в огромной и многообразной России. Уже в Москве Николая окружил вниманием и заботой вологжанин Александр Яшин, по-отечески опекавший его до самой своей смерти. Дружественно встретили его вологодские уроженцы, известные московские критики Валерий Дементьев и Феликс Кузнецов. Наконец, его ждала сама Вологда.

Здесь жили и работали выдающиеся прозаики Виктор Астафьев и Василий Белов, поэты Виктор Коротяев и Александр Романов и большая группа более молодых писателей. Николай Рубцов, естественно, стал негласным предводителем вологодского поэтического цеха. Он оказался среди верных друзей и чутких соратников по литературе. Он обрел здесь наконец постоянное пристанище и заработок. Вологда с ее улицами, домами, храмами, рекой, деревьями вошла как родной и любимый город в последние стихи Николая Рубцова.

¹⁵ Он писал из села Никольского в уже цитированном письме Станиславу Куняеву: «...Я проклинаю этот божий уголок за то, что нигде здесь не подработает, но проклинаю молча, чтоб не слышали здешние люди...»

¹⁶ Незадолго до смерти Николай Рубцов подготовил для издания книгу «Зеленые цветы», но вышла она уже без него.

Но силы его были подорваны. Он выразил это в интонационно спокойных и оттого еще более трагических стихах:

Мы сваливать
не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет,
тот и правит,
Поехал – так держись.

Я повода оставил.
Смотрю другим вослед.
Сам ехал бы
и правил,
Да мне дороги нет...

Незадолго до смерти поэт точно предсказал ее (есть такая загадочная способность у немногих истинных поэтов, остро чувствующих ритм своего бытия) в неотвратимых строках:

Я умру в крещенские морозы,
Я умру, когда трещат березы...

В морозную крещенскую ночь, 19 января 1971 года, Николай Рубцов во время тяжелой ссоры был убит женщиной, которую собирался назвать женой. Ему только что исполнилось тридцать пять лет.

Весной 1971 года Виктор Астафьев писал:

«В день сороковин мы, друзья и земляки поэта, собрались на кладбище. Под дощатой пирамидкой глубоко и тихо спал поэт, который так пронзительно умел любить свою землю и высоко петь о ней, а вот своей жизнью совсем не дорожил.

Кладбище, где он лежит, новое – здесь еще недавно был пустырь, нет здесь зелени, и деревья еще не выросли, на крестах сидят нахохленные вороны.

Возле стандартных пирамидок позванивают железными листьями стандартные венки, а кругом горят, переливаются голубые снега, и светит уже подобревшее, на весну повернувшее солнце. И не верится, не хочется верить, что нет его с нами и никогда уже не будет, и мы не услышим его прекрасную, до половины только спетую песню. И хочется спросить словами повести известного вологодского прозаика В. Белова:

– Коля, где ты есть-то?..

Разговоры о том, что поэты уходят, а стихи их остаются, мало утешают. Настоящего поэта никто не сможет заменить на земле...»¹⁷

В 1973 году на могиле Николая Рубцова был поставлен памятник. На мраморной плите – бронзовый барельеф, у подножия памятника – выбитая из камня строка поэта:

Россия, Русь! Храни себя, храни!..

---

¹⁷ Наш современник. 1971. № 6. С. 64.

* * *

За пять лет, прошедших со дня смерти поэта, были изданы три его книги: «Зеленые цветы» (М., «Советская Россия», 1971), «Последний пароход» (М., «Современник», 1973), «Избранная лирика» (Вологда, 1974); в ближайшее время в издательстве «Молодая гвардия» выходит наиболее полное собрание стихотворений Николая Рубцова – «Подорожники». Теперь уже можно составить представление о наследии поэта в целом.

С другой стороны, творчество поэта получило достаточно широкий отклик в критике. С момента выхода первой книги Николая Рубцова (1965) появились десятки рецензий, статей, специальных разделов в критических обзорах, посвященных его поэзии, – не говоря уже об отдельных упоминаниях. Но ныне становится все более ясно, что некоторые характеристики, слишком поспешно данные Николаю Рубцову критикой, неточны или просто ошибочны.

Прежде всего многие критики безоговорочно и прочно причислили Николая Рубцова к *деревенской* поэзии. Конечно, если попросту исходить из того, что большинство зрелых стихотворений поэта так или иначе связано с темой деревни и сельской природы, вопрос ясен. Но на самом деле все обстоит далеко не так уж просто.

Мне не раз приходилось слышать из уст самого Николая Рубцова недовольные и даже резкие возражения тем, кто называл его «деревенским поэтом».

Начнем с того, что все молодые годы Николая Рубцова прошли, как мы уже видели, в городах и морских портах. Покинув родную деревню в четырнадцать лет, он возвратился туда – и фактически и духовно – только уже вполне взрослым, почти тридцатилетним человеком.

Поэзией он начал всерьез заниматься, по-видимому, с восемнадцати-девятнадцати лет (вообще же, по его признаниям, он писал стихи с самого детства). Вначале это были, так сказать, стихи «моряцкие», затем главным образом «городские». Многие из этих ранних вещей вошли в его книги, но даны там вперемешку с поздними, зрелыми стихотворениями, что сильно запутывает читателя.

Трудно, а подчас, вероятно, и невозможно установить теперь точные даты написания тех или иных стихотворений поэта, но, во всяком случае, подавляющее большинство известных нам «моряцких» стихотворений относится к 1957 – 1959 годам, а «городских» – к 1959 – 1962 годам. К собственно «деревенской» теме Николай Рубцов по-настоящему обратился лишь в Москве, после поступления в Литературный институт.

Поэт в самом деле на какое-то время «забыл» деревню, из которой он вышел. К началу 60-х годов относятся его иронические строки:

...Я выстрадал, как заразу,
Любовь к большим городам!..

В 1962 году Рубцов пишет очень выразительные стихи «В гостях» – стихи чисто «городские», даже, так сказать, «петербургские».

Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И желтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу.
Гранитным громом грянуло с небес!
В безлюдный двор ворвался ветер резкий,

И видел я, как вздрогнул Достоевский,
Как тяжело ссутулился, исчез...
Не может быть, чтоб это был не он!
Как без него представить эти тени,
И желтый свет, и грязные ступени,
И гром, и стены с четырех сторон!..

Настоящее «возвращение» к деревенской родине произошло именно в то время, когда Николай Рубцов входил в большую литературу (это совпадение, конечно, не было случайным). В силу этого создалось представление, что поэт так и начался с «сельской» темы. На самом же деле шести (всего лишь!) годам собственно литературной деятельности Николая Рубцова предшествовало не меньшее количество лет активной работы над стихами, которые почти совершенно не были связаны с деревней¹⁸.

Суть дела можно вкратце выразить так: деревня стала необходимой Николаю Рубцову не сама по себе, не как поэтическая *тема*, но как своего рода «точка отсчета», как своеобразная мера всего, как исток всей жизни родины. Это рельефно выразилось в ряде его стихотворных концовок, словно обнажающих внутренний смысл обращения поэта к сельскому бытию.

Стихи «Острова свои обогреваем...» заканчиваются так:

...Мать России целой – деревушка,
Может быть, вот этот уголок...

Или стихотворение «Ферапонтово»:

...И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

Или, наконец, стихи «Давай, Земля, немножко отдохнем...»:

...Вокруг любви моей
Непобедимой
К моим лугам,
Где травы я косил,
Вся жизнь моя
Вращается незримо,
Как ты, Земля,
Вокруг своей оси...

Да, родная деревня и любовь к ней были для зрелого творчества Рубцова именно своего рода «осью». Но он никогда не терял из виду весь круг жизни своего народа и всю Землю, хотя из самой отдаленной ее точки снова и снова возвращался к «оси».

У Николая Рубцова есть совершенно открытое, прямое (и потому не очень-то удачное в поэтическом смысле) объяснение того, почему его стихи обращены к деревне:

---

¹⁸ Николай Ливнев, учившийся на одном курсе с Рубцовым в Литературном институте, вспоминает, что поэт приехал с баулом, который был битком набит рукописями стихов. Об этом же рассказывает другой однокурсник поэта – Михаил Шаповалов.

В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звездном салюте,
На чем поднималась великая Русь.

Но едва ли сколько-нибудь оправданно представление о Николае Рубцове как «изобразителе» или «певце» деревни и природы. Суть его творчества глубже и сложнее.

Анатолий Ланщиков в статье «Поэт и природа (памяти Николая Рубцова)» совершенно верно заметил: «Пейзаж как таковой почти отсутствует в его стихах... У Николая Рубцова... то единство с природой, когда природа дает самочувствие вечной жизни, определяя нравственную меру вещей и явлений»¹⁹.

На первый взгляд слова эти звучат странно: ведь в большинстве стихотворений поэта речь идет о деревне и о природе – как же это у него почти нет пейзажа?! Во многих критических статьях Николай Рубцов предстает как раз в качестве замечательного мастера деревенского пейзажа, особенно северного. И все же критик прав. Природа у поэта почти не выступает как объект изображения. Его стихи воплощают органическое, хотя и противоречивое единство человека и природы, которые как бы непрерывно переходят друг в друга (между тем пейзаж в собственном смысле подразумевает известную отчужденность, отделенность от природы).

Дело идет вовсе не о так называемом антропоморфизме, то есть об одухотворении, *очеловечивании* явлений природы, которое сложилось в древнейшем, даже первобытном фольклоре, а позднее нередко выступало как образная основа поэзии (например, у Кольцова и Некрасова). Для творчества Николая Рубцова этот путь не очень характерен. Если уж на то пошло, поэт более склонен к утверждению *природной* основы человека, нежели к очеловечиванию природы. Анатолий Ланщиков говорит в уже упомянутой статье:

«...если мы считаем природу источником и причиной нашей физической жизни, то есть ли у нас основания искать источники и причину нашей духовной жизни непременно за пределами той же самой природы?»²⁰

Это именно то новое, *современное* осознание проблемы «человек и природа», которое глубоко и ярко выразилось в поэзии Николая Рубцова.

Как это на первый взгляд ни странно, в *очеловечивании* природы выражается заведомая отделенность от нее, чуждость ей – та чуждость, которая свойственна ранним стадиям человеческого развития, как раз и породившим антропоморфические образы природы. Когда людям приходилось повседневно бороться не на жизнь, а на смерть с природными явлениями и стихиями, они стремились хотя бы в сознании преодолеть их чуждость и враждебность, наделив их своими, человеческими чертами. Это очеловечивание природных сил в той или иной форме выступает в развитии поэзии вплоть до XX века.

Но в нашем столетии совершился настоящий переворот в практическом и, соответственно, духовном отношении человека к природе. Небывалая власть над ее силами привела, в частности, к тому, что на первом плане стоит теперь не задача борьбы с этими силами, а задача защиты природы от разрушительного действия грандиозно выросших человеческих сил.

Современная, или, точнее, *подлинно современная*, поэзия стремится скорее к открытию природного в человеке, чем человеческого в природе. Это в высшей степени присуще и поэзии Николая Рубцова, хотя она и не лишена моментов очеловечивания природы.

---

¹⁹ Ланщиков А. Многообразие искусства. М.: Московский рабочий, 1974. С. 143, 145.

²⁰ Указ. соч. С. 145.

В истории русской и мировой поэзии есть бессчетное количество стихотворений, в которых предстает глубоко *очеловеченный* образ *осени*. В стихах Рубцова соотношение как бы перевернуто:

...Я с поникшей головою,
*Как выражение осени живое*²¹,
Проникнутый тоской ее и дружбой,
По косогорам родины брожу...

Или возьмем стихотворение «Ферапонтово»:

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!..

Традиционно как раз обратное сопоставление: «творчество» природы сравнивается с человеческим. Здесь же высшее проявление человеческих возможностей «возникло» подобно тому, как возникали трава, вода, березы.

Но это только одна сторона дела.

В поэзии Николая Рубцова природа нераздельна с жизнью и историей народа. В каком-то смысле это же можно сказать о творчестве многих поэтов. Но у Рубцова – и в этом один из главных источников силы и своеобразие его поэзии – природа и история народа нередко словно сливаются, даже отождествляются, и их единство предстает для поэта как своего рода идеал.

В широко известном стихотворении поэт говорит:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны... —

и в той же строфе словно уточняет:

Я буду скакать по следам миновавших времен...

Холмы отчизны – это как бы и есть следы миновавших времен, следы *истории* народа. В стихотворении «О Московском Кремле» читаем:

В твоей судьбе – о русская земля! —
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было все: смирение и гордыня —
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!

---

²¹ Здесь и далее в стихах курсив мой. – В. К.

«Старина», история существует непосредственно в лесах и холмах, из которых словно сама собой возникла и утвердилась твердыня Кремля.

Точно так же в стихах «Привет, Россия...»:

...Весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..

И в стихах «Выпал снег, и все забылось...» оказывается, что снегом —

Красотою древнерусской
Обновился городок.

Все это может быть понято как некое отрицание сказанного выше: поэт все-таки очеловечивает природу, внося в нее *исторический* смысл. Дело в том, однако, что в поэтическом мире Николая Рубцова именно сама *природа* предстает как необходимый исток и основа истории, как естественно порождающая бытие народа почва. И именно этим, по убеждению поэта, живет человек, именно это надо постоянно помнить и сознавать. Только в единстве со своим народом и его тысячелетней историей человек обретает действительное единство с природой — таков сквозной смысл поэзии Николая Рубцова. Лишенный народного сознания и исторической памяти, оказавшийся в одиночестве человек неизбежно ощущает вдруг чуждость и враждебность природы. Это с проникновенной силой воплощено в стихах Николая Рубцова «Осенние этюды»:

...От всех чудес всемирного потопа
Досталось нам безбрежное болото,
На сотни верст усеянное клюквой,
Овеянное сказками и былью
Прошедших здесь крестьянских поколений...

Таким образом, даже болото нерасторжимо связано с народным бытием. Но вот человек остался один на один с этим болотом, и его оставили историческое сознание и память:

Зовешь, зовешь... Никто не отзовется...
И вдруг уснет могучее сознание,
И вдруг уснут мучительные страсти,
Исчезнет даже память о тебе...

Только поначалу это состояние воспринимается как желанная свобода:

«Как хорошо! — я думал. — Как прекрасно!»
И вздрогнул вдруг, как будто пробудился,
Услышав странный посторонний звук.
Змея! Да, да! Болотная гадюка
За мной все это время наблюдала
И все ждала, шипя и извиваясь...

Мираж пропал. Я весь похолодел.

И прочь пошел, дрожа от омерзенья...
Но в этот миг, как туча, над болотом
Взлетели с криком яростные птицы.
Они так низко начали кружиться
Над головой моею одинокой,
Что стало мне опять не по себе...

...И понял я, что это не случайно,
Что весь на свете ужас и отравы
Тебя тотчас открыто окружают,
Когда увидят вдруг, что ты один...

Та же в общем и целом мысль в замечательном стихотворении «Вечернее происшествие». Нельзя не сказать в связи с ним, что Николай Рубцов поистине обожал лошадей. Редкостная встреча с лошадью, тянущей телегу по московской улице, вызвала в нем однажды настоящий восторг. Но вот совсем другое ощущение:

Мне лошадь встретила в кустах.
И вздрогнул я. А было поздно...

В любой воде таился страх,
В любом сарае сенокосном...
Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?
Мы были две живых души,
Но неспособных к разговору.
Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза.
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза.
И я спешил – признаюсь вам —
С одною мыслью к домочадцам:
Что лучше разным существам
В местах тревожных —
не встречаться!

Вопреки концовке смысл этого стихотворения, без сомнения, многозначен. Жуткое ощущение чуждой, нечеловеческой «души» лошади (ощущение, которое всецело преодолевается в народном бытии, превращающем лошадь – как и вообще все природное – в родное человеку существо) не так уж «отрицательно». Соприкосновение с нераскрываемой тайной иного существа влечет и захватывает. Здесь по-своему проявилась способность поэта избежать традиционного очеловечивания природы – способность, как уже говорилось, сугубо современная. Он выразил самостоятельную, самодовлеющую суть животного, в котором обычно видят лишь некий придаток к человеку. Только теперь мы поднимаемся до осознания суверенности всех живых существ...

Но признание суверенности природы и бесконечное уважение к ней вовсе не приводят Рубцова к какой-либо идеализации природы; сама по себе она никак не может дать человеку спасения. Поэт, выросший в деревне, далек от идиллических представлений о природе. В его стихах не раз возникает образ человека, оторвавшегося от людей или жестоко отвергнутого

ими, оставшегося один на один с природой и потому обреченного на верную гибель. Вот, например, стихотворение «Неизвестный»:

Он шел против снега во мраке,
Бездомный, голодный, больной.
Он после стучался в бараки
В какой-то деревне лесной.

Его не пустили. Тупая
Какая-то бабка в упор
Сказала, к нему подступая:
– Бродяга. Наверное, вор...

Он шел. Но угрюмо и грозно
Белели снега впереди!
Он вышел на берег морозной,
Безжизненной, страшной реки!

Он вздрогнул, очнулся и снова
Забылся, качнулся вперед...
Он умер без крика, без слова.
Он знал, что в дороге умрет...

Угрюмой, грозной, безжизненной, страшной предстает природа, когда человек оказывается совсем наедине с ней...

Уже хотя бы эти сложные, противоречивые, неоднозначные отношения поэта с природой подтверждают, что он не может быть понят как традиционный «певец деревни». Напомню еще раз его собственные слова о том, что «в деревне виднее природа и люди» и «виднее... на чем поднималась великая Русь» (то есть виднее история родины). Начав свой путь как «городской» поэт, Николай Рубцов обратился к деревне, ибо был убежден, что в ее бытии сегодня яснее выступают природа, человек и история в их противоречивом единстве.

Возьмем одно из лучших стихотворений Рубцова, относящихся к «городскому» (или, еще точнее, «петербургскому») периоду его творчества (1959 – 1962) – стихи «Утро утраты»:

Человек не рыдал, не метался
В это смутное утро утраты,
Лишь ограду встряхнуть попытался,
Ухватившись за копыа ограды...

Вот пошел он. Вот в черном затоне
Отразился рубашкою белой.
Вот трамвай, тормозя, затрезвонил;
Крик водителя: «Жить надоело?»

Было шумно, а он и не слышал.
Может, слушал, но слышал едва ли,
Как железо гремело на крышах,
Как железки машин грохотали...

Вот пришел он. Вот взял он гитару.
Вот по струнам ударил устало.
Вот запел про царицу Тамару
И про башню в теснине Дарьяла.

Вот и все... А ограда стояла.
Тяжки копыа чугунной ограды.
Было утро дождя и металла.
Было смутное утро утраты...

Это, без сомнения, сильные и мастерские стихи. В них, правда, есть свои недостатки: чересчур прямолинейный звуковой повтор «утро утраты», разрывающая стих реплика «жить надоело?», неточное «железо на крышах» (имеется в виду «железо крыш»), небрежное «железки машин» и т. п. Но в целом стихи ярко запечатлели предельно тяжелое состояние человеческой души, не могущее найти выхода и разрешения. Символическая чугунная ограда с ее тяжкими копыями, будто тушью сделанная – кстати, типично «петербургская» – зарисовка героя («вот в черном затоне отразился рубашкою белой»), точное «может, слушал, но слышал едва ли», нарастающий мотив «железа» (переключка с «оградой»), «усталое» пенье, как безнадежная попытка разрешения, освобождения и, наконец, смелый обобщающий образ «утро дождя и металла» – все это создает истинно поэтическую реальность.

Но в то же время в стихотворении есть узость и сдавленность, это скорее «этюд», чем полнокровное творение. И дело вовсе не в том, что стихи «мрачны», «пессимистичны». Среди более поздних, вполне зрелых стихотворений поэта можно найти не менее мрачные по настроению вещи – скажем, «Зимняя ночь» («Кто-то стонет на темном кладбище...»), «Прощальное» («Печальная Вологда дремлет...»), «Бессонница» («Окно, светящееся чуть...») и др.

Однако на этих зрелых стихах всегда лежит хотя бы отсвет животворной реальности, существующей *вне* воплощенного в них безысходного душевного состояния, которое поэтому преодолевает свою безысходность. Вот, скажем, достаточно тяжелое по своей тональности стихотворение «Прощальное», овеянное предчувствием смерти:

Печальная Вологда
дремлет
На темной печальной земле,
И люди окраины древней
Тревожно проходят во мгле.

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя...

Коренное отличие этих стихов от «Утра утраты» очевидно. В том раннем стихотворении герой оказывается один на один с совершенно чуждым и даже враждебным миром. Он со своей безнадежностью всецело замкнут в себе. Между тем в «Прощальном» есть другие люди, которые «тревожно проходят во мгле», как бы разделяя тревогу лирического героя, есть «древняя окраина», история которой продолжается, есть не обозначенная определенно «родимая» (это может быть мать, возлюбленная, соотечественница или даже Родина вообще

– важен лирический мотив, символ, а не его конкретное проявление), есть «родная заря», которая будет играть в окне и гореть...

Говоря попросту, есть природа и история, есть люди, вобравшие их в себя. Это, разумеется, ни в коей мере не приводит к поверхностному и дешевому оптимизму и нисколько не исключает личных и всеобщих трагедий. Между прочим, сам Николай Рубцов и в последние свои годы не раз с вызовом говорил, что он писал и будет писать «пессимистичные» стихи (на самом деле он так протестовал, конечно же, против бездумного оптимизма).

Стремясь «оправдать» своего подопечного, Н.Н. Сидоренко писал в характеристике Николая Рубцова за 4-й курс (5 июня 1967 года): «Муза его несколько грустновата (это, конечно, сказано слишком «мягко». – В. К.). Что поделаешь: он рано осиротел, рос в сельском детдоме, без семьи» (Архив ЛИ). К этому следовало бы добавить, что и поэт, и его народ пережили самую страшную в истории войну и безмерно трудные послевоенные годы, что Николай Рубцов с исключительной остротой чувствовал нарастающую коллизию социально-технического прогресса и природы – коллизию, развертывающуюся внутри самого человека (и, конечно, внутри народа в его целостности), который есть не только общественное, но и природное явление, и т. д. Бездумный оптимизм не способен породить, по крайней мере в наш век, ничего истинно поэтического.

Но вернемся к стихам «Утро утраты». Воплотившаяся в них трагедия совершенно *одинокого* человека, разумеется, вполне реальна и глубоко лична. Тот факт, что стихи написаны не от первого лица, обусловлен, очевидно, своего рода творческим целомудрием (поэт не хотел представить самого себя столь трагической фигурой)²².

Но на таком состоянии безысходности невозможно основать цельный и полноценный поэтический мир; оно может быть только отдельным проявлением, некоторой стадией творческого развития поэта. Ибо такое состояние слишком *бедно* и неподвижно, *статично*. Безысходность как бы смотрит сама в себя, она тавтологична: все плохо, потому что все плохо. Безысходность в конечном счете искусственна, нарочито беспочвенна: ведь если человек утверждает, что все безысходно, он волей-неволей с чем-то *сравнивает* эту безысходность. Но та жизненная реальность, в сравнении с которой воплощенное в стихах состояние оценивается как безысходное, попросту опущена, вытравлена.

Трагедия одиночества, если поэт рискует ее развивать, развертывать, неизбежно перерождается в конце концов в трагедию *эгоизма*²³, которая, в сущности, и не является трагедией. Вся вина перекладывается при этом на другие «я» и на мир в целом, а истинная трагедия подразумевает *трагическую вину* самого ее героя (в том числе и лирического героя).

Уже приводились предельно трагические предсмертные стихи Николая Рубцова, кончающиеся словами «мне дороги нет». Но это стихотворение начинается так:

Мы сваливать
не вправе
Вину свою на жизнь...

«Утро утраты» – пожалуй, лучшее из ранних стихотворений Николая Рубцова. И все же оно раннее.

В 1962 году, как раз на рубеже творческой зрелости, Николай Рубцов составил свое «избранное» из тридцати восьми написанных в 1957 – 1962 годах стихотворений, назвав

²² Несколько подобных стихотворений, переведенных «в третье лицо», есть, например, в наследии Николая Заболоцкого: «Это было давно. Исхудавший от голода, злой...», «Приближался апрель к середине» и др.

²³ Вот, например, раннее стихотворение Николая Рубцова, в котором он «скатился» в прямой эгоизм. Снуют. Считают публики. Спешат в свои дома. И нету дела публике, Что я схожу с ума! Не знаю, чем он кончится — Запутавшийся путь, Но так порою хочется Ножом... куда-нибудь!

эту рукописную книгу «Волны и скалы»²⁴ (по объяснению самого поэта, «волны» означают волны жизни, а «скалы» – препятствия на жизненном пути человека). Большинство вошедших в книгу стихотворений было впоследствии опубликовано. Но Николай Рубцов написал также предисловие к своей «книге», которое представляет существенный интерес.

Он упоминает здесь стихи «Утро утраты», замечая: «Душой остаюсь близок к ним». Как бы объясняясь, он пишет далее: «В жизни и в поэзии не переносу спокойно любую фальшь, если ее почувствую. Каждого искреннего поэта понимаю и принимаю в любом виде, даже в самом сумбурном».

Стихи «Утро утраты», безусловно, глубоко искренни. Но вот что говорится в предисловии вслед за этим: «Четкость общественной позиции поэта считаю не обязательным, но важным и благотворным качеством. Этим качеством не обладает в полной мере, по-моему, ни один из современных молодых поэтов. Это есть характерный знак времени. Пока что чувствую этот знак и на себе».

Сборник «Волны и скалы» – начало. И, как любое начало, стихи сборника нуждаются в серьезной оценке»²⁵.

Итак, поэт видит недостаточность или хотя бы незрелость своих стихов в отсутствии четкой «общественной позиции». Именно поэтому, надо думать, он не считает их достойными «серьезной оценки». Не находит он полноценной «общественной позиции» и в стихах других молодых поэтов тех лет. Это может показаться странным, ибо как раз в те годы – на рубеже 1950 – 1960-х годов – публиковались легионы стихов тогдашней поэтической молодежи, в которых открыто была заявлена та или иная «общественная позиция» (правда, ныне эти стихи, как говорится, канули в Лету). Очевидно, Николай Рубцов чувствовал в этих стихах ту или иную «фальшь» и не считал их подлинно общественными.

То, что Рубцов называет «общественной позицией» в поэзии, не дается задаром. Эту «позицию» необходимо нажить, выстрадать – только тогда она может стать органическим качеством поэзии.

Николай Рубцов смог обрести подлинную «общественную позицию», и притом так, что ее выстраданность в той или иной мере ощущается в любом стихотворении поэта.

Эту «позицию» лично ему помогло обрести «возвращение» (разумеется, не просто «приезд», а то «возвращение памяти», о котором он сказал в стихах) к деревне, где «виднее» истинная сущность человека, вобравшая в себя природу и историю, – человека как частицы народа.

Как своего рода веха на пути поэта к зрелости предстает стихотворение «Русский огонек», написанное, по-видимому, в 1962 – 1963 годах:

...Какая глушь! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем мертвом поле!

Вдруг тихий свет (пригрезившийся, что ли?)
Мелькнул в пустыне,
как сторожевой...

И вот изба – «последняя надежда»:

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!

---

²⁴ Рукопись хранится в архиве Б.И. Тайгина.

²⁵ Рукопись хранится в архиве Б.И. Тайгина.

*И вдруг открылся мне
И поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!*

Преодоление трагедии собственного сиротства в открытии всенародной трагедии – таков, выражаясь, быть может, несколько высокопарно, но вполне точно, смысл этих строк. Дело тут, конечно, не в «мысли» как таковой; «мысль» эта доступна всякому. Николай Рубцов создал поэзию, в которой народный смысл, или, точнее, народный голос, вобравший в себя голоса природы и истории, звучит совершенно естественно и неопровержимо. Это не просто идея, но *сама жизнь*, получившая новое бытие в слове и ритме поэта.

Николай Рубцов, повторяю, выстрадал свое право ввести в стихи голос народа, и стихи обрели таким образом то, что поэт назвал «общественной позицией».

И именно для этого ему нужно было «возвращение» в деревню, а вовсе не для воспевания и изображения деревни и природы как таковых.

Впрочем, тут мне могут решительно возразить. Неужели, скажет воображаемый оппонент, в наше время – время небывалого, скачкообразного роста городов, где живет теперь большинство людей цивилизованных стран, время научно-технической революции (то есть тотального переворота в формах труда и самом образе жизни) – можно «искать истину» в деревне?

Чтобы ответить на этот вопрос, я хочу обратиться к одному, так сказать, уроку истории. Дело в том, что современную революцию в технике (и самом образе жизни) нередко вполне обоснованно называют «второй». Аналогичный (хотя, конечно, существенно отличающийся) переворот совершился на рубеже XVIII – XIX веков, когда люди *впервые* начали создавать машинные фабрики и заводы, паровозы и пароходы, аэростаты («воздушные шары») и электрическое освещение и т. п. Эта эпоха, начавшаяся ранее и интенсивнее, чем где-либо, в Англии, носит имя *промышленной революции*.

Как же отразилась эта эпоха в поэзии? Ради краткости и вместе с тем объективности я не буду сам характеризовать английскую поэзию того времени, а попросту процитирую несколько соответствующих положений из современной литературной энциклопедии.

«Начавшийся промышленный переворот все более привлекал внимание поэтов к деревне... В поэмах Дж. Крабба (1754 – 1834) возникли детальные картины сельской повседневности, переданные с большим реализмом... Возросший интерес к природе побудил... приступить к собиранию произведений устной поэзии, бытовавшей в народе... Сборники народных песен и баллад явились событием для литературы, снова обратившейся к родникам народного поэтического творчества, восходившим к средневековью... Записи древних баллад и поэзия Макферсона и Чаттертона укрепили интерес к картинам дикой природы... Венцом поэзии XVIII в. было творчество шотландца Р. Бернса (1759 – 1796)... В творчестве поэтов так называемой «озерной школы»... – У. Вордсворта (1770 – 1850), С. Колриджа (1772 – 1834), Р. Саути (1774 – 1843)... – утверждение примата чувства, воспевание людей, не испорченных промышленной цивилизацией... Наиболее популярным поэтом-романтиком начала XIX в. был В. Скотт (1771 – 1832)... Созданный этим писателем исторический роман возник под воздействием сдвигов, происшедших в Шотландии и Англии благодаря последствиям промышленного переворота... Ощущение нового всемирно-исторического перелома вызвало потребность осмысления опыта многовекового развития народов»²⁶.

Итак, великая промышленная революция «повернула» английскую литературу лицом к природе и деревне, к древнему народному творчеству и истории. Необходимо, правда, оговорить, что в цитируемой энциклопедической статье дано весьма поверхностное истолкова-

²⁶ Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 1. Стб. 205 – 206.

ние этого факта. Здесь сказано попросту о «внимании» и «интересе» к природе и деревне, об «утверждении примата чувств» и «людей, не испорченных промышленной цивилизацией» и т. п. Более удачно последнее замечание – о том, что промышленная революция «вызвала потребность осмысления» многовековой истории народа. Но ясно, что и обращение к природе диктовалось не простым «интересом» к ней, а стремлением глубже понять соотношение природы и общества; точно так же изображение чувственного сознания человека было не самоцелью, а диктовалось потребностью оценить роли чувства и мысли в бытии и т. д.

Далее, нельзя не сказать о том, что энциклопедическая статья, призванная охарактеризовать наиболее *значительные* явления литературы, правомерно оставила за пределами внимания те произведения тогдашней литературы, которые как раз *прямо и непосредственно* отразили промышленную революцию. Такие произведения создали тогда, например, Роберт Бейдж, Уильям Годвин, Хэлливел Сатклифф и другие писатели. Но – что очень характерно – эти произведения, в которых, в частности, изображена фабричная жизнь, почти полностью забыты (мне указал на них знаток английской литературы этой эпохи А.Н. Николюкин).

Ведь задача искусства не в том, чтобы запечатлеть внешние черты времени, а в том, чтобы проникнуть в его глубокую суть. Это смогли совершить на рубеже XVIII – XIX веков Бернс и Вордсворт, Колридж и Саути, Скотт и Шелли, которые обратились к природе и истории, но обратились не самоцелью, а для глубокого проникновения в смысл *современности*. Нередко надо отойти от наиболее бросающихся в глаза явлений времени, чтобы понять его сущность.

Это отнюдь не значит, конечно, что поэзия вообще не может или не должна отражать сугубо «современные» факты. Но, как я убежден, в тот момент, когда Николай Рубцов вступал в литературу, обращение к природе и деревне было своего рода необходимостью. Опять-таки подчеркну, что это обращение у настоящих художников не было самоцельным и не превращалось в «воспевание».

Исходя из всего этого, я и опровергаю широко распространенное определение поэзии Николая Рубцова как «деревенской». Деревня явилась для поэта необходимым «материалом» творчества, воплощавшего коренные проблемы современности. Николай Рубцов – не «деревенщик», а один из немногих наиболее значительных русских поэтов нашего времени.

* * *

Столь же необоснованно, на мой взгляд, тесное связывание поэзии Николая Рубцова с традициями устного народного творчества и с той линией в русской поэзии, которая им принципиально следовала (Кольцов, многие вещи Некрасова, Есенина)²⁷. Выше уже говорилось о том, что для поэта не характерен антропоморфизм, лежащее в основе древнего народного творчества очеловечивание природы. Но дело, конечно, не только в этом.

В наследии Рубцова можно найти стихи, которые более или менее тесно связаны с устным народным творчеством. Но это либо ранние стихи, в которых поэт еще не обрел свой собственный стиль, либо немногие произведения, *сознательно* опирающиеся на фольклор – то есть выражения определенного жанра, занимающего свое особое место в творчестве поэта. Таковы, скажем, стихи «В горнице моей светло...», «Сапоги мои скрип да скрип...», «В лесу под соснами...» и т. п.

Стиль же основных произведений Николая Рубцова опирается, с одной стороны, на сугубо современную разговорную речь деревни и в не меньшей степени речь городскую,

²⁷ Об этом писали многие критики; винюсь, что и я сам в свое время непродуманно писал о мнимом родстве поэзии Рубцова с фольклором.

а с другой – на прочные стилевые традиции классической русской поэзии от Пушкина и Лермонтова до Заболоцкого и Твардовского.

Итак, близость к устному народному творчеству, присущая, например, таким прекрасным современным поэтам, как Николай Тряпкин и Федор Сухов, вовсе не характерна для творчества Рубцова, и критики напрасно говорят об этой близости (а подчас даже усматривают в ней чуть ли не главный источник силы и своеобразия поэта). Конечно, у Николая Рубцова есть отдельные стихотворения (о чем уже говорилось) и тем более отдельные образы, связанные с фольклором. Но такого рода связи можно обнаружить у очень многих поэтов, ибо то или иное специфическое художественное задание действительно требует обращения к фольклорным мотивам и формам.

Многое говорилось в критике и о прямой связи творчества Рубцова с поэзией Есенина. На мой взгляд, эта связь в гораздо большей степени присуща *ранним*, даже юношеским стихам Николая Рубцова. Между прочим, сам поэт решительно возражал тем, кто называл его непосредственным наследником Есенина; помню возникший на этой почве спор, который даже окончился ссорой с собеседниками.

Это, разумеется, отнюдь не означает, что Николай Рубцов недостаточно хорошо относился к поэзии Есенина; напротив, он ценил ее предельно высоко и любил всем своим существом. Достаточно вспомнить его стихотворение «Сергей Есенин»:

...Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!

Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

Это муза не прошлого дня,
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

И все же, в рубцовой любви к Есенину не было той *исключительности*, которую хотели бы видеть в ней некоторые критики и поэты. В зрелой поэзии Рубцова мало общего с есенинским стилем; в ней, в частности, совершенно отсутствует та эстетика и поэтика *цвета*, без которой немыслимо творчество Есенина (об этом еще пойдет речь).

Характерно следующее стихотворение Николая Рубцова²⁸:

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью

И напьюсь,
Как зверь вечерний!..

---

²⁸ Отрывки из этого стихотворения публикуются здесь впервые; полностью оно печатается в сборнике «Подорожники» (М.: Молодая гвардия, 1975).

...От заснеженного льда
Я колени поднимаю,
Вижу поле, провода,
Все на свете понимаю!
Вон Есенин —
на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру,
Скромно Хлебников шаманит...

Ясно, что поэт, осознающий себя прямым есенинским наследником, не поставил бы Есенина в один ряд с Хлебниковым и даже с Блоком...

Известны, далее, стихи Рубцова, в которых он говорит о своем стремлении «проверить» по книгам Тютчева и Фета «искренность слова» и «продолжить книгою Рубцова» книги этих поэтов. И можно с большими основаниями утверждать, что *любимейшим* поэтом Николая Рубцова был совсем уж не «деревенский» Тютчев. Он буквально не расставался с тютчевским томиком, изданным в малой серии «Библиотеки поэта», и, ложась спать, клал его под подушку...

Как уже говорилось, Николай часто исполнял стихи на полусочиненные-полуслышанные мелодии. Но среди своих стихотворений он почти всегда исполнял на такой же безыскусный мотив и тютчевское:

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один – и пусто все кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой – и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И – что со мной, не сознавая сам...

Бесследно все – и так легко не быть!
При мне иль без меня – что нужды в том?
Все будет то ж – и вьюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.

Внимательный читатель увидит, как близки эти стихи по своему стилю, по самому своему тону поэзии Николая Рубцова. Те же, кому довелось слышать эти стихи в исполнении Николая, чувствовали, что они – самое глубинное, самое интимное его достояние.

Нет сомнений, что гениальная поэзия Тютчева оказала сильнейшее воздействие на Николая Рубцова. Подчас в его стихах слышны прямые (и даже излишне прямые) отзвуки Тютчева. Скажем, такие:

В краю лесов, полей, озер
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костер,
Как мимолетный сон природы.

И ночь, растроченная вся
На драгоценные забавы,
Редает, выше вознося
Небесный купол, полный славы...

...Душа свои не помнит годы,
Так по-младенчески чиста,
Как говорящие уста
Нас окружающей природы...

Менее явные отголоски тютчевской поэзии есть во многих стихах Рубцова.

Проникновенно любил Николай Рубцов и поэзию Лермонтова, Некрасова, Фета и Блока²⁹, не говоря уже о Пушкине. Вспоминается забавный случай, происшедший в общежитии Литературного института. Однажды вечером Николай долго спорил с несколькими молодыми стихотворцами и, наконец обвинив их в полном непонимании природы поэзии, ушел. А поутру обнаружилось, что со стен общежития исчезли большие портреты Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Их нашли в комнате Рубцова, который всю ночь вел «беседу» с великими учителями...

Все это, разумеется, отнюдь не значит, что Николай Рубцов буквально «воскрешал» стиль Тютчева и других творцов классической поэзии. Проблему традиций вообще нередко понимают слишком прямолинейно и упрощенно. Дело идет о *широте и глубине* той поэтической *почве*, на которой выросло зрелое творчество Николая Рубцова, а не о некоем возврате в прошлое.

Уже говорилось, что ранние стихи поэта очень тесно связаны с есенинским наследием. Можно утверждать даже, что поначалу Николай Рубцов был в безраздельной власти Есенина. Вот, например, его стихи 1957 года³⁰:

Т. С.

Хочешь, стих сочиню сейчас?
Не жаль, что уйдешь в обиде...
Много видел бесстыжих глаз,
А вот таких не видел!
Душа у тебя – я знаю теперь —
Пуста и темна, как сени...
«Много в жизни смешных потерь», —
Верно сказал Есенин.

Можно было бы и не цитировать Есенина, ибо стихи эти и так полны приметами его поэзии – вплоть до характерного ритма («есенинского дольника»), которым Рубцов, кстати сказать, почти не пользовался в зрелости. Да, какое-то время поэзия Есенина была для Руб-

---

²⁹ Он очень любил исполнять на свои мелодии лермонтовский «Сон» и блоковское «Девушка пела в церковном хоре...».

³⁰ День поэзии. М.: Советский писатель, 1969. С. 188.

цова своего рода синонимом поэзии вообще; Есенин как бы открыл ему самый мир поэтического творчества. И, конечно, эта изначальная связь в той или иной мере чувствуется и в позднейших стихах поэта. Убежден, что настоящий поэт вообще не может вырасти из какой-либо одной традиции; он должен так или иначе освоить предшествующую поэтическую культуру своего народа в ее целостности (это, конечно, не значит, что он вынужден освоить вообще все ее выражения). Рубцов сумел это сделать и именно потому стал истинным поэтом, а не неким, по безосновательному определению одного критика, «новым прочтением Есенина» (к сожалению, многие критики утверждали и утверждают нечто подобное).

Нельзя не сказать и о другой неоправданной тенденции, сказавшейся во многих критических статьях, относивших творчество Николая Рубцова к *«тихой лирике»*. Это понятие вполне уместно, скажем, по отношению к поэзии Анатолия Жигулина. Но к основным стихам Николая Рубцова оно явно неприменимо.

Правда, у него есть отдельные вещи, отмеченные печатью спокойного и грустного раздумья и вылившиеся в «тихий» напев или разговор: «В горнице моей светло...», «Ночь на родине» («Высокий дуб. Глубокая вода...»), «В минуты музыки печальной...», «А между прочим, осень на дворе...» и т. п.

Но во множестве его лучших стихотворений звучит интонация столь активной *устремленности, заклинания, призыва*, что ни о какой «тихости» не может быть и речи:

...Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!..

...Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,

Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!..

...В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!..

Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!..

...Россия, Русь! Храни себя, храни!..

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!..

Люблю ветер. Больше всего на свете.
Как воет ветер! Как стонет ветер!..

...Но я смогу,
но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!..

Вполне закономерно, что сам поэт читал эти и другие свои стихи почти на пределе голоса, притом усиливая и одновременно повышая мелодический тон на протяжении каждой отдельной строки. Его чтение можно графически изобразить так:

отчизны!
задремавшей
по холмам
скакать
Я буду
племен!..
вольных
удивительных
сын
Неведомый

При этом (о чем уже говорилось) поэт сопровождал чтение как бы дирижерскими движениями рук, поднимая их все выше по мере повышения голоса.

Эту принципиальную «громкость» своих стихов (не всех, конечно) поэт ясно выразил в пунктуации. Трудно назвать поэта, в текстах которого было бы так много восклицательных знаков, как у Рубцова; во многих стихах они употребляются в каждой строфе, и даже чаще³¹. Какая уж тут «тихая лирика», о которой так бездумно говорится в целом ряде критических статей о поэзии Рубцова...

* * *

Наконец, в критике прочно утвердилось представление о принципиальной *простоте* и *безыскусности* поэзии Николая Рубцова. Многие критические отклики создают впечатление, что творчество поэта как бы даже не нуждается в серьезном и углубленном понимании и тем более «исследовании», ибо все здесь высказано прямо, непосредственно, без каких-либо «ухищрений». И задача читателя и критика состоит лишь в том, чтобы доверчиво, «душевно» воспринимать простое, открытое и откровенное слово поэта.

Такое решение вопроса имеет свою привлекательность. Вот, мол, иные поэты напрягаются и изощряются, чтобы создать сложный образный мир (который к тому же неизбежно оказывается в той или иной мере искусственным), а Николай Рубцов сумел – и в этом как раз и проявилась сила его таланта – попросту «сказаться душой», естественно, словно без всякого «искусства» выразить ту сокровенную суть человека, которая и составляет истинную основу поэзии.

Такое решение заманчиво, но, увы, несостоятельно. Тем, кто стремится понять природу поэзии (и, конечно, искусства в целом), необходимо раз и навсегда запомнить, что в творчестве нет и не может быть простых – в буквальном смысле этого слова – и «безыскусных» путей.

Да, поэзии Рубцова не свойственна та прямая, очевидная сложность, которая бросается в глаза каждому. Нет в ней ни изощренных метафор, ни причудливых образных ассоциаций, ни необычных словосочетаний, ни оригинальных звуковых и ритмических структур. Впро-

---

³¹ Прошу прощения за «цифры» (я не собираюсь верить ими гармонию), но, полагаю, они говорят сами за себя. В стихотворении «Поэзия» 4 восклицательных знака на 5 составляющих его строф; «Видения на холме» – соответственно 6 знаков на 8 строф; «Купавы» – 4 на 5; «Журавли» – 4 на 4; «Привет, Россия...» – 6 на 6; «О Московском Кремле» – 9 на 7; «Весна на берегу Бии» – также 9 на 7; «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» – 14 на 10; «Философские стихи» – 17 на 13; «По дороге из дома» – даже 12 знаков на 4 строфы и т. д.

чем, это не совсем так. Внешняя сложность нередко присуща ранним стихам Николая Рубцова, в частности его сознательно «экспериментальным» вещам конца 1950 – начала 1960-х годов (о них уже говорилось), в которых он как бы испытывал свое мастерство. Стихи эти свидетельствуют, что Николай Рубцов мог бы пойти по совсем иной дороге (по которой, кстати сказать, пошли в то время многие поэты). Но Николай Рубцов вскоре наотрез отказался от какой-либо «экспериментальности».

Это, однако, ни в коей мере не означало, что он упростил свою творческую задачу. И я постараюсь в дальнейшем показать необычайную сложность созданного Рубцовым поэтического мира. Сложность эта особенно велика потому, что она залегает в самой глубине и воплощает в себе не изощренность поэтического зрения, но внутреннюю сложность самого бытия (точнее события) человека и мира.

Михаил Лобанов в уже упоминавшейся статье заметил, что в поэзии Рубцова «миросозерцание неизмеримо углубляется... причастностью к тому, что, в сущности, невыразимо»³². Можно выразить или даже, вернее, изобразить объективную жизнь мира – скажем, создать зримый, осязаемый словесный образ природы. С другой стороны, можно очень точно выразить душевное состояние человека, которое ведь и само по себе так или иначе воплощается в слове, в так называемой внутренней речи; уловив и закрепив в стихе движение этой прихотливой словесной ткани, поэт ставит перед нами «поток сознания».

Но бытие совершается и на грани человека и мира, на самом рубеже субъективного и объективного. Этот, пользуясь термином М.М. Бахтина, *диалог* человека и мира нельзя воплотить ни в чувственном образе, ни в слове как таковом. Этот диалог как бы в самом деле невыразим, ибо его «участники» говорят на разных языках – «языке» реальности и языке слов, – и не существует некоего единого «материала», в котором воплотились бы сразу, в одном ряду, и голос человека, и голос мира. Полнее всего этот диалог выражается, пожалуй, в *музыке*, создающей свой особенный «язык», в котором свободно сливаются человеческое и Вселенское.

Лирическую поэзию часто сравнивают с музыкой, но сплошь и рядом это сопоставление проводится чисто формально: речь идет о внешней «музыкальности» – то есть ритмичности и «напевности» – стиха. В лирике возможна гораздо более существенная близость к музыке, характерная, впрочем, далеко не для всех лирических поэтов. Эта близость в высшей степени свойственна лучшим стихам Николая Рубцова.

Они выражают то, что не выразимо ни зримым образом, ни словом в его собственном значении. В известных стихах Рубцова:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды... —

есть, конечно, и образность, и личностная речь поэта, выражающая его душевную жизнь. Но суть этих строк и их властное обаяние заключены все же в чем-то ином. Я говорю пока неопределенно «в чем-то», ибо очень трудно охарактеризовать это «иное»; но теперь мы как раз и займемся выяснением существа дела.

Образ и слово играют в поэзии Рубцова как бы вспомогательные роли, они служат чему-то третьему, возникающему из их взаимодействия. Именно потому в зрелых стихах поэта нет ни «яркой» и оригинальной образности, ни необычных, «изысканных» слов. И то и другое только *мешало* бы созданию своеобразного поэтического мира Николая Рубцова.

³² День поэзии. 1972. М.: Советский писатель, 1973. С. 181.

Оценивая книгу Рубцова «Звезда полей», поэт Егор Исаев говорил: «Я помню ее сердцем. Помню не построчно, а всю целиком, как помнят человека со своим неповторимым лицом, со своим характером... В ней есть своя особенная предвечерность – углубленный звук, о многом говорящая пауза. О стихах Николая Рубцова трудно говорить – как трудно говорить о музыке. Слово его не столько обозначает предмет, сколько живет предметом, высказывается его состоянием»³³.

Это очень меткие суждения. Слово в поэзии Рубцова действительно не столько обозначает – или изображает, «рисует», запечатлевает – предмет, сколько *живет* им. С другой стороны, слово или, точнее, речь поэта сама по себе не стремится быть сугубо личной, отчетливо индивидуализированной. Она как бы принадлежит всем и каждому.

Цель поэта состояла, по-видимому, не в изображении внешнего мира и не в выражении внутренней жизни души, но в воплощении слияния мира и человека, в преодолении границы между ними. А для этого необходим особенный «язык». И то, что Егор Исаев назвал «углубленным звуком и о многом говорящей паузой», относится именно к этому особенному «языку» рубцовой поэзии, «языку», который не сводится к образам и словам, а лишь создается с их помощью, на их основе.

Уместно обратиться прежде всего к анализу начальных, первых строк стихотворений Николая Рубцова. Его зачины своеобразны и имеют очень существенное значение.

Преобладающая часть зрелых стихотворений поэта начинается со строк, представляющих собою *самостоятельное целое*. Такие первые строки заканчиваются, понятно, точкой, многоточием или – реже – восклицательным либо вопросительным знаком; но дело, конечно, не в этом внешнем факте.

Многие зачины Рубцова – это как бы предельно краткие стихотворения, подчас замечательные уже сами по себе (вслушайтесь в них) ³⁴:

В горнице моей светло.

Я уеду из этой деревни...

Взбегу на холм и упаду в траву.

Все облака над ней, все облака...

Тихая моя родина!

Мне лошадь встретила в кустах.

Седьмые сутки дождь не умолкает.

...Мы сразу стали тише и взрослей.

Лошадь белая в поле темном.

Все движется к темному устью.

---

³³ Выступление на защите дипломной работы Николая Рубцова в 1969 году (Архив ЛИ).

³⁴ Некоторые из приводимых строк в *посмертно* изданных книгах поэта заканчиваются запятыми. Но это редакторский произвол или небрежность: в прижизненных книгах и журнальных публикациях все цитируемые строки представляют собою самостоятельные предложения.

Как далеко дороги пролегли!
Я забыл, как лошадь запрягают.
О чем писать? На то не наша воля!
Потонула во тьме отдаленная пристань.
Вот он и кончился, покой!
Закатилось солнце за вагоны.
Не было собак – и вдруг залаяли.
Короткий день. А вечер долгий.
В этой деревне огни не погашены.
Замерзают мои георгины.
Идет старик в простой одежде.
Высокий дуб. Глубокая вода.
Ах, как светло роятся огоньки!
Ласточка носится с криком.
Люблю ветер. Больше всего на свете.
Уже деревня вся в тени.
Окно, светящееся чуть.

И т. д.

Первая строка стихотворения всегда очень важна; это своего рода камертон, задающий всю мелодию. Но мало того, в лирической миниатюре (а большинство стихотворений Николая Рубцова состоит всего из 12 – 24 строк) первая строка по своей весомости сравнима с прологом или начальной главой романа.

Очевидная обособленность первой строки сама по себе определяет значительную последующую *паузу*, которая накладывает печать на восприятие стихотворения в целом. С другой стороны, выделенность побуждает *углубленно* пережить строку – в том числе и ее звучание.

Приведенные мной зачины стихотворений замечательны своей естественностью, они словно выдохнуты, без усилия выхвачены из творческого сознания поэта. Но обратим специальное внимание на их звуковое строение, и нам станут очевидны повторы гласных и согласных звуков, создающих гармонию или даже особенную настроенность: *Взбегу на холм и упаду в траву; Вот он и кончился, покой; Я уеду из этой деревни; Мы сразу стали тише и*

взрослей; Идет старик в простой одежде; Как далеко дороги пролегли; Не было собак – и вдруг залаяли; Я забыл, как лошадь запрягают и т. п.³⁵.

Эти повторы не могут быть случайными (хотя едва ли они созданы вполне сознательно, обдуманно; речь должна идти о творческой *целестремленности* поэта); такие нагнетания однородных звуков и целых звуко сочетаний на протяжении строки, состоящей всего лишь из пятнадцати-тридцати звуков, – очень маловероятны в «обычной» речи.

Но дело, разумеется, отнюдь не в самих этих звуковых повторах: их может «организовать» любой версификатор. Дело в том, что повторы существуют в строках, обладающих предельной естественностью и вольностью. И, строго говоря, они, эти повторы, вообще не «слышны», они только упорядочивают, гармонизируют, настраивают движение поэтического голоса (который вполне воспринимается и тогда, когда мы читаем стихи «про себя»).

Итак, начальные строки стихотворений Николая Рубцова задают тон, определяют самой своей обособленностью значащие паузы и «углубленный звук» его поэзии. В них есть и то слияние естественности и искусности, которое составляет исходную основу подлинного стиха. Наконец, каждая из приведенных строк предстает как неповторимое движение, как собственно рубцовский *поэтический жест*, который внятен читателю, в той или иной мере вошедшему в мир поэзии Николая Рубцова.

Но как же создаются эти поэтические «жесты»? Ведь почти все приведенные выше зачины представляют собой предельно простые «сообщения», выраженные в предельно простой форме: «Я уеду из этой деревни»; «Мне лошадь встретила в кустах»; «Седьмые сутки дождь не умолкает»; «Высокий дуб. Глубокая вода»; «Не было собак – и вдруг залаяли» и т. д.

Все дело, по-видимому, в том, что обособленность этих строк, связанная с «углубленным звуком» (тут надо вспомнить также, конечно, и об уже отмеченном слиянии естественности и искусности, и о многозначительной паузе – как бы осмысленном молчании после строки, – и, в конце концов, о ритме, о стиховой интонации вообще), пробуждает в них, в этих строках, некое внутреннее свечение.

Вполне понятно, далее, что каждая такая строка раскрывает весь свой смысл лишь в связи с зачинаемым ею стихотворением в его целостности; она существует не сама по себе, но как «пролог» стихотворения.

И оказывается, что именно простота, даже, если угодно, элементарность заключенных в этих строках «сообщений» оборачивается глубокой содержательностью особенного характера. Да, именно «элементарность» внешнего смысла побуждает как бы заглянуть вглубь:

Я уеду из этой деревни...

Короткий день. А вечер долгий.

В горнице моей светло.

В этих – и других подобных – строках «предмет», в сущности, не изображается; они в самом деле «живут предметом». И простота строк выявляет, обнажает эту их напряженную внутреннюю жизнь. Словом, простота здесь вовсе не проста.

Нельзя не отметить, что у Николая Рубцова есть стихи, зачины которых с внешней точки зрения более «образны» (я беру первые строки, также составляющие самостоятельные предложения):

³⁵ Говоря о повторах *гласных* звуков, нужно учитывать, что по-настоящему внятно звучат те из них, которые находятся под ударением. Однако в какой-то мере и безударные гласные участвуют в создании стройности звучания.

Меж болотных стволов красовался
Восток огнеликий...

В полях сверкало. Близилась гроза.

Вода недвижимее стекла.

Размытый путь. Кривые тополя.

И т. п.

Но, по моему убеждению, эти зачины менее удачны. Внешняя изобразительность заслоняет здесь внутреннюю жизнь стиха. Николай Рубцов одерживает безусловную победу там, где его слово не изображает мир (и в то же время вовсе не уходит в субъективность души), а в самом деле *живет* им, преодолевая границу между миром и человеческой душой.

Все это очень трудно показать наглядно и точно, речь идет о тончайших и к тому же тающихся в глубине поэтической реальности моментах. Повторю еще раз, что внутренний смысл начальной строки по-настоящему открывается, конечно, не сразу, а лишь после восприятия стихотворения в его целостности или даже на фоне всей поэзии Николая Рубцова. Но, войдя в атмосферу стихотворения (и поэзии в целом), мы схватываем и относительно самостоятельный смысл зачина. Тогда нам становится внятным тот особенный, внутренний «язык», в котором органически слиты голос человека и голос мира. Сущность заключена не в объективном образе и не в субъективном, личном слове, а в глубинном движении, воплощающем событие человека и мира:

Как далеко дороги пролегли!

Вполне понятно, что, характеризуя своеобразные зачины поэта, мы затронули лишь одно частное проявление сути дела (к тому же далеко не все стихи Николая Рубцова имеют подобные зачины). Но естественно было начать с «проблемы первой строки». Обратимся теперь к другим сторонам творчества поэта, в которых его суть выступит, надеюсь, более отчетливо и основательно.

* * *

В свое время Анатолий Передреев заметил, что в поэзии Николая Рубцова почти отсутствует *цвет*. Это, между прочим, явно согласуется с тем, что в стихах поэта, как уже говорилось, почти нет *пейзажа* (который чаще всего связан с цветом, с красками).

Да, в стихах Николая Рубцова крайне мало слов, обозначающих цвет³⁶. В *большинстве* его известнейших стихотворений вообще нет каких-либо «красок».

---

³⁶ Опять-таки прошу извинения за цифры, но очень уж они показательны. В *двухстах* с лишним разысканных до сих пор стихотворениях Рубцова слово «красный» встречается всего лишь *четыре* раза, «багряный» – *шесть* раз, «синий» – *шесть*, «голубой» – *пять*, «золотой» – *пять*. Несколько чаще употребляются слова «зеленый» (десять раз) и «желтый» (двенадцать), но они выступают обычно лишь как простые приметы весенней или летней и осенней растительности («зеленая трава», «желтые листья»). Остальные «цветовые» слова встречаются у Рубцова всего лишь по *одному* разу: «багровый», «бурый», «алый», «оловянный», «малиновый», «седой», «рыжий», «гнедой» и более «экзотические» – «аспидный», «сиреневый», «бирюзовый», «лазурный», «серебряно-янтарный». Следует отметить еще, что я имею в виду не только эпитеты, но и все формы «цветовых» слов (в подсчетах учтены, скажем, и такие слова, как «просинь», «зелень» и т. п.). Таким образом, в поэзии Рубцова в целом всего лишь около шестидесяти «цветовых» слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.